

ТЕОРИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Институт экономико-правовых исследований НАН Украины

Римское право, как известно, не оперировало понятием правосубъектности, оно не различало категорий правоспособности и дееспособности и оперировало единым понятием правоспособности (*caput*). Действительный отрыв правоспособности от дееспособности произошел в эпоху буржуазных революций, когда с целью устранения феодальных, сословных и иных различий между членами гражданского общества был провозглашен принцип равной правоспособности. Тогда и зародилась проблема правосубъектности, вызывавшая острые споры на протяжении XIX века. Ее дискуссионность сохраняется и поныне.

Понятие правосубъектности было предметом острых разногласий на протяжении всего XIX века. Споры, в частности, вызывал вопрос о соотношении воли и интереса в субъективном праве. Волевая теория правосубъектности (теория воли) - Савиньи (первая половина XIX в.), Гельдер (конец XIX в. - нач XX в.) - основывается на представлении о субъекте права как волеспособной личности [1, с.22]. Волевая теория правосубъектности господствовала в науке до Иеринга [1, с.22]. Иеринг в теории интереса (вторая половина XIX в.) дал трактовку субъекта права как носителя интереса а субъективного права как юридически защищенного интереса. Субъект права согласно этой теории - не волевой субъект, а субъект пользования, поэтому недееспособные лица также субъекты права. Удар, нанесенный Иерингом теории воли, был так силен, что решительное преобладание в дальнейшем получили т.н. «комбинационные теории», объединявшие в понятии субъективного права и элемент воли, и элемент интереса [2, с.38 и др.]. К началу XX в. господствующее мнение решительно склонилось к комбинационным или компромиссным теориям [2, с.37].

По словам Мишу, ошибка волевой теории заключалась не в том, что она выдвигала в качестве решающего момента волю, а в

том, что она хотела, чтобы эта воля, с которой соединилось представление о юридической власти, была волей исключительно носителя права; между тем в действительности власть в правовом смысле может принадлежать и тому, кто ее не применяет (Michoud. *La théorie de la personnalité morale*, t. 1, Paris, 1924, p.99-101) [1, с.21].

Компромиссный подход к определению правосубъектности, по сути, отражал двойственную сущность категорий интереса и воли - частную и публичную. Именно это позволяет определять правосубъектность как правоспособность: для участия в отношениях, гарантированных волей государства, достаточно правоспособности.

Уяснение участия в категории правосубъектности как частноправовых, так и публично-правовых начал позволяет устранить недоразумения, создающие повод для сохраняющихся дискуссий. Например, по Братусю, в комбинационной или компромиссной теории (воли и интереса) - субъективное право рассматривается как сочетание воли (власти) и интереса, а субъект права как существо, которое либо само обладает соответствующей волей, либо имеет к своим услугам волю другого лица, могущую реализовать власть, принадлежащую субъекту права [1, с.29]. Вместе с тем, не обладая волей или достаточной волей для того, чтобы уполномочить другое лицо и контролировать его добросовестность, обладатель субъективного права фактически остается бесправным, отчего теоретическая конструкция теряет смысл.

Кроме того, что очень важно, признание двойственной природы правосубъектности позволяет состыковать реалистическую концепцию правосубъектности с нормативистской теорией права, отказавшейся вообще, ввиду непрекращающихся дискуссий, от категории субъективного права. Надо сказать, что нормативизм в целом имеет свои преимущества, позволяя обеспечивать необходимую гибкость права, определяемого волей законодателя, вместе с тем без достаточной координации с социологической теорией права, таит в себе опасность отрыва об объективной реальности и деструктивного субъективизма, что мы имеем возможность наблюдать в примерах ущемления интересов и

сужения субъективных прав граждан и тех или иных социальных общностей (акционеров, территориальных громад и т.д.).

Комбинационная или компромиссная теория правосубъектности генетически связана с социологической школой права, которая сформировалась в рамках открытого во второй половине XIX в. позитивистского направления в науке как противовес нормативизму.

Братусь пишет, что оба эти течения (авт.- юридического и социологического позитивизма), исходя из различных методологических позиций, отрицают категории субъекта права и субъективного права (лица как носителя права) [1, с.26]. Вместе с тем слова эти касаются социологического позитивизма лишь отчасти. Дело в том, что внутри социологического течения можно выделить два направления, имеющих в основе, соответственно, методологический индивидуализм и методологический коллективизм. Если первое направление исходит из противопоставления, то второе - из сочетания частных и публичных начал в правовой организации общества и государства, в том числе и хозяйственной сферы.

В рамках последнего в XX в. различные подходы к определению правосубъектности успешно согласованы в компромиссной теории правосубъектности и создана универсальная двуединая частно-публичная категория хозяйственной правосубъектности.

Литература:

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. - 367 с.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. - М.- Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. - 839 с.